

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
10 January 2023
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 905/2018* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	А и Б (представлены Н.З., неправительственной организацией)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Азербайджан
<i>Дата сообщения:</i>	22 декабря 2018 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 22 декабря 2018 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата настоящего решения:</i>	27 июля 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	высылка заявителей из Азербайджана в Турцию
<i>Процедурные вопросы:</i>	приемлемость — исчерпание внутренних средств правовой защиты; приемлемость — явная необоснованность
<i>Вопросы существа:</i>	угроза применения пыток в случае депортации в страну происхождения (недопустимость принудительного возвращения) предупреждение пыток
<i>Статья Конвенции:</i>	3

1.1 Заявителями являются А и Б, оба граждане Турции. На момент подачи сообщения, А («первый заявитель») грозила экстрадиция из Азербайджана в Турцию, а Б («вторая заявительница») утверждала, что она также может быть подвергнута высылке в Турцию в более позднее время. Они утверждают, что, если бы государство-

* Принято Комитетом на его семьдесят четвертой сессии (12–29 июля 2022 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тодд Бачуолд, Клод Эллер, Маэда Наоко, Илвия Пуце, Ана Раку, Абдерразак Руване, Себастьян Тузе и Бахтияр Тузмухамедов. В соответствии с правилом 109, рассматриваемым в совокупности с правилом 15, правил процедуры Комитета и статьей 10 Руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абебские руководящие принципы) Эрдоган Ишкан в рассмотрении сообщения не участвовал.

участник осуществило их высылку в Турцию, это нарушило бы их права по статье 3 Конвенции. Государство-участник сделало заявление в соответствии с пунктом 22 статьи 1 Конвенции, вступившее в силу 4 мая 2002 года. Заявители представлены неправительственной организацией.

1.2 24 декабря 2018 года в соответствии с правилом 114 своих правил процедуры Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, просил государство-участник не высылать заявителей в Турцию на время рассмотрения жалобы.

Факты в изложении заявителя

2.1 Первый заявитель окончил Университет Кафкас, университет, связанный с движением Гюлена «Хизмет», и работал в турецких школах, связанных с движением Гюлена «Хизмет», известных как образовательные учреждения «Каг» или школы «Истек». Вторая заявительница прибыла в Азербайджан в 2008 году для работы в школах «Истек». Заявители поженились в 2014 году.

2.2 После попытки переворота в Турции 15 июля 2016 года школы «Истек» в Азербайджане были закрыты, а виды на жительство педагогов были аннулированы. Учителя, включая заявителей, трижды обращались в Государственную миграционную службу для получения разрешения на временное проживание, но их заявления были отклонены. Заявители оспорили отказы в национальных судах; однако суды поддержали решения Государственной миграционной службы.

2.3 В качестве последнего средства, чтобы избежать депортации и последующих пыток и жестокого обращения в Турции, заявители зарегистрировались в качестве просителей убежища при Управлении Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) в Азербайджане. Примерно в то время, когда школы «Истек» были закрыты, у заявителей 14 марта 2017 года родилась дочь. Заявители обратились за получением национального удостоверения личности и паспорта в консульство Турции в Баку. Консульство выдало дочери удостоверение личности, но отказало ей в получении турецкого паспорта. По словам сотрудников консульства, они не могли предоставить им консульские услуги. Заявители подали петицию в коммуникационный центр при президенте Турции, но их переадресовали в консульство Турции в Баку. Несмотря на то, что заявители опасались похищения при нахождении в консульстве, они все же посетили консульство еще раз, но получили второй отказ на просьбу о выдаче паспорта для их дочери. Отказывая в просьбе, сотрудники консульства четко заявили, что их целью является возвращение заявителей в Турцию, и предложили вместо этого выдать проездной документ.

2.4 Из-за риска похищения или задержания и последующей незаконной передачи в Турцию заявители решили, что вторая заявительница останется в Азербайджане с их дочерью, а первый заявитель попытается покинуть Азербайджан для получения международной защиты в безопасной третьей стране. 3 ноября 2018 года он отправился из Азербайджана в Тбилиси, а оттуда собирался через Минск добраться до Белграда, но белорусские власти не одобрили его транзит в Сербию, произвольно задержав его в аэропорту Минска. В конце концов, первый заявитель был возвращен в Азербайджан.

2.5 20 декабря 2018 года первому заявителю позвонили из Государственной миграционной службы и пригласили прийти на встречу на следующий день. Заявители немедленно уведомили УВКБ ООН о сложившейся ситуации, и оно выделило сотрудника для сопровождения первого заявителя на встречу. На встрече 21 декабря 2018 года первому заявителю был предъявлен документ от Международной организации уголовной полиции (Интерпол) в Турции, в котором указывалось, что его паспорт (который был действителен до декабря 2021 года) был аннулирован властями. Далее ему сообщили, что он находится в списке разыскиваемых Интерполом и что власти не отпустят его, пока представитель турецкого консульства не посетит штаб-квартиру Государственной миграционной службы. Под этим предлогом иммиграционные власти удерживали первого заявителя в течение всего дня 21 декабря 2018 года. Адвокат первого заявителя посетил Государственную миграционную службу в 17 ч 00 мин и настаивал на том, что у властей нет законных оснований для его задержания, поскольку члены семьи заявителя являются просителями убежища,

проживающими в Азербайджане законно, на основании документов, предоставленных Организацией Объединенных Наций. Их правовой статус был также подтвержден Государственной миграционной службой¹; однако первый заявитель не был освобожден. Власти Азербайджана также изъяли его паспорт и не вернули его адвокату, несмотря на поданный им официальный запрос. В 20 ч 30 мин первый заявитель был доставлен в центр содержания иммигрантов, где его поместили в камеру.

2.6 22 декабря 2018 года адвокат первого заявителя был вызван в Хатаинскую районную прокуратуру. Помощник прокурора сообщил ему, что Турция запросила экстрадицию первого заявителя и что адвокат сможет ознакомиться с документами. Согласно представленным документам, ордер на арест был выдан пятым уголовным мировым судом Анкары по запросу прокурора Адема Акинчи в тот же день, когда первый заявитель был задержан в Азербайджане. Прокуратура Хатаинского района сообщила адвокату, что слушание по делу об экстрадиции будет назначено на 24 декабря 2018 года.

2.7 На момент подачи настоящей жалобы первый заявитель ожидал слушания по делу о его экстрадиции.

Жалоба

3.1 Первый заявитель утверждает, что ему не было известно о каких-либо ордерах на его арест; однако тот факт, что он является бывшим сотрудником образовательных учреждений «Каг», которые связаны с движением Гюлена «Хизмет», окончил Университет Кафкас (университет, находящийся в ведении движения Гюлена «Хизмет»), является бывшим подписчиком газеты «Заман», имеет банковский счет в Банк «Ася» и имеет брата, заключенного в тюрьму и приговоренного к 10 годам лишения свободы по аналогичным сфабрикованным обвинениям, более чем достаточен для утверждения, что в случае высылки в Турцию он будет восприниматься как сторонник движения Гюлена «Хизмет» и получит длительный тюремный срок и будет подвергнут пыткам и жестокому обращению, включая длительное одиночное заключение. Заявитель отмечает, что ему известно еще как минимум о шести случаях, когда граждане Турции, также воспринимаемые как сторонники движения Гюлена «Хизмет», были задержаны в Азербайджане и незаконно переданы в Турцию, при этом сообщалось о применении к ним пыток и жестокого обращения². Он также отмечает, что турецкие власти широко используют «уведомления с красным углом» Интерпола для задержания политических оппонентов и что многие европейские лидеры призвали Интерпол предотвратить злоупотребление «уведомлениями с красным углом» со стороны Турции³.

3.2 Вторая заявительница утверждает, что, будучи бывшим сотрудником образовательной организации, связанной с движением Гюлена «Хизмет», она также является мишенью для турецких властей. Она утверждает, что многие из ее бывших коллег, включая бухгалтера ее бывшей школы, уже находятся в тюрьме и что она тоже будет немедленно взята под стражу и заключена в тюрьму в случае ее задержания или похищения и возвращения в Турцию.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 22 февраля 2019 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости жалобы. Оно утверждает, что жалоба неприемлема по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку заявители не предъявляли властям Азербайджана никаких претензий по статье 3 Конвенции. Государство-участник отмечает, что заявителям доступен ряд внутренних средств правовой защиты, включая прокуратуру и Канцелярию Омбудсмана. Самое главное, утверждает государство-участник, что заявители не поднимали этот вопрос в

¹ Заявители представляют более раннее решение Государственной миграционной службы от 3 мая 2018 года, в котором говорится, что было установлено, что первый заявитель имеет документы, выданные УВКБ ООН, и что выдворить его из страны невозможно.

² Заявитель приводит список этих лиц и подробную информацию об их задержании.

³ См. Reuters, "Merkel attacks Turkey's 'misuse' of Interpol warrants", 20 August 2017.

национальных судах, и поэтому у судов не было возможности рассмотреть дело первого заявителя.

4.2 Государство-участник отмечает, что жалоба также должна быть признана неприемлемой как явно необоснованная. Оно утверждает, что жалоба ограничена расплывчатыми и общими заявлениями, без подробного изложения событий или доказательств, подтверждающих утверждения заявителей. Поэтому государство-участник утверждает, что жалоба является неприемлемой в соответствии с пунктом b) правила 113 правил процедуры Комитета.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

5.1 21 июня 2019 года государство-участник представило свои замечания по существу жалобы. Государство-участник информирует Комитет, что первый заявитель был выслан в Турцию в соответствии с национальным и международным правом. Что касается второй заявительницы, государство-участник отмечает, что она вместе со своей дочерью добровольно выехала из Азербайджана в Германию 8 февраля 2019 года. Следовательно, государство-участник утверждает, что вторая заявительница не является жертвой предполагаемого нарушения статьи 3 Конвенции.

5.2 Государство-участник отвергает изложенные в жалобе утверждения о незаконном похищении и других незаконных действиях, якобы предпринятых должностными лицами Азербайджана, и считает их бездоказательными, необоснованными и носящими спекулятивный характер. Что касается фактов по жалобе, государство-участник утверждает, что 25 июля 2017 года оба заявителя подали ходатайство о предоставлении убежища в Государственную миграционную службу. 25 октября 2017 года Государственная миграционная служба отказала заявителям в ходатайстве о предоставлении убежища после того, как рассмотрела и изучила их дела. Заявители прошли собеседование в Государственной миграционной службе, в ходе которого они утверждали, что не принадлежат ни к какой группе в Турции и не имеют информации о своем преследовании со стороны каких-либо представителей правительства Турции. После дальнейшего изучения дела заявителей и с учетом всех других соответствующих соображений Государственная миграционная служба пришла к выводу, что не имеется серьезных оснований полагать, что заявителям будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в Турции.

5.3 Государство-участник далее отмечает, что заявители оспорили решение Государственной миграционной службы и обратились в Бакинский административно-экономический суд № 1 с требованием обязать Государственную миграционную службу предоставить им убежище. 3 апреля 2018 года Бакинский административно-экономический суд № 1 отклонил иск заявителей. 22 июня 2018 года по жалобе заявителей на решение Бакинского административно-экономического суда № 1 от 3 апреля 2018 года Бакинский апелляционный суд оставил в силе решение Бакинского административно-экономического суда № 1, отклонив жалобу заявителей. В неустановленную дату заявители подали кассационную жалобу в Верховный суд Азербайджанской Республики, которая была отклонена 4 сентября 2018 года. Между тем, 18 апреля 2018 года первый заявитель обратился в Государственную миграционную службу за разрешением на работу в качестве заместителя руководителя компании под названием «Умид лтд.». 24 апреля 2018 года Государственная миграционная служба отклонила заявление первого заявителя о выдаче разрешения на работу на основании статьи 50.0.1 Миграционного кодекса, согласно которой заявления иностранцев и лиц без гражданства о выдаче (или продлении) разрешения на временное проживание на территории Азербайджана отклоняются, а ранее выданные разрешения аннулируются, если они могут нанести ущерб национальной безопасности Азербайджана и общественному порядку.

5.4 Что касается ареста и высылки первого заявителя, государство-участник утверждает, что 21 декабря 2018 года около 21 ч 00 мин первый заявитель был арестован в административном порядке и помещен в Бакинский центр содержания нелегальных мигрантов Государственной миграционной службы. 24 декабря 2018 года решением Хатаинского районного суда он был приговорен к 30 дням ареста до возможного решения вопроса о его экстрадиции. 28 декабря 2018 года по апелляции первого заявителя Бакинский апелляционный суд повторно рассмотрел дело и постановил, что в соответствии со статьями 155.1–155.3 Уголовно-процессуального

кодекса не было процессуальных оснований для применения в отношении него ареста в качестве меры пресечения. Поэтому Суд удовлетворил апелляцию первого заявителя и постановил освободить его из-под стражи. 28 декабря 2018 года первый заявитель обратился в Государственную миграционную службу с просьбой разместить его на добровольной основе в Бакинском центре содержания нелегальных мигрантов до тех пор, пока он не сможет вернуться в Турцию, поскольку у него не было ни места, ни средств для проживания. В тот же день Государственная миграционная служба вынесла решение об удовлетворении ходатайства заявителя о помещении его в центр содержания на добровольной основе, и он был туда помещен. Также в тот же день Государственная миграционная служба вынесла решение о выдворении первого заявителя из Азербайджана и ограничении на его въезд в Азербайджан на пять лет. Решение было основано на статьях 79.1.4 и 79.2 (решение о выдворении) Миграционного кодекса, согласно которым в случае отказа в предоставлении статуса беженца соответствующий орган исполнительной власти принимает решение о выдворении иностранцев и лиц без гражданства, и их въезд в Азербайджан ограничивается на срок до пяти лет в соответствии с решением о выдворении. 29 декабря 2018 года первый заявитель был выслан из Азербайджана в Турцию.

5.5 Государство-участник ссылается на дело *А.М. против Франции*, по которому было принято решение Европейского суда по правам человека и которое касалось запланированной депортации заявителя в Алжир после того, как он был осужден во Франции в 2015 году за участие в актах терроризма и ему был навсегда запрещен въезд на территорию Франции⁴. Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что общая ситуация с лицами, связанными с терроризмом в Алжире, сама по себе не препятствует депортации заявителя. В заключение Европейский суд по правам человека установил, что А.М. не представил никаких сведений, свидетельствующих о том, что в случае его возвращения в Алжир он подвергнется реальному риску обращения в нарушение статьи 3. Таким образом, он провел четкое различие между общей ситуацией в Алжире и личной ситуацией заявителя. Он также подтвердил, что бремя доказывания факта личного риска лежит на заявителе. Государство-участник отмечает, что в настоящем деле заявители не представили никаких правдоподобных доказательств того, что им угрожала реальная опасность жестокого обращения после возвращения в Турцию. Заявители не привели достаточных аргументов, чтобы продемонстрировать, что им угрожают пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание или что они будут преследоваться турецкими властями на основании расы, религии, гражданства или принадлежности к определенной группе или по причине политических убеждений. Государство-участник обращает внимание Комитета на тот факт, что ходатайства заявителей о предоставлении убежища были тщательно изучены как Государственной миграционной службой, так и позднее в ходе разбирательства в национальных судах, что показало отсутствие существенных оснований полагать, что заявителям будет угрожать опасность подвергнуться преследованию или пыткам в Турции.

5.6 Государство-участник утверждает, что Бакинский административно-экономический суд № 1 в своем решении от 3 апреля 2018 года оставил в силе решение Государственной миграционной службы об отказе в предоставлении заявителям статуса беженца. Во-первых, Суд установил, что заявители не являются беженцами, как это определено в статье 1 закона о статусе беженцев и внутренне перемещенных лиц. Во-вторых, Суд отметил, что собеседование с заявителями и дальнейшее рассмотрение дела показали, что не имелось серьезных оснований полагать, что им угрожает опасность подвергнуться преследованию или пыткам в Турции. Заявители не представили в национальных судах никаких доказательств, которые могли бы показать, что существовал риск того, что они подвергнутся пыткам в Турции. Это решение также было рассмотрено и поддержано в апелляционной и кассационной инстанциях и вступило в законную силу 4 сентября 2018 года. Впоследствии, 28 декабря 2018 года Государственная миграционная служба вынесла решение о выдворении первого заявителя из Азербайджана и ограничении его въезда на пять лет. По мнению государства-участника, вышесказанное свидетельствует о том, что в отношении дела заявителей были соблюдены все процессуальные аспекты и что нет никаких доказательств того, что оно не выполнило требование Конвенции.

⁴ Ходатайство № 12148/18, решение от 29 апреля 2019 года.

Комментарии заявителей по замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

6.1 Заявители представили свои комментарии к замечаниям государства-участника 29 декабря 2019 года. Они отвергают утверждение государства-участника о том, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Они отмечают, что их ходатайства о предоставлении убежища были рассмотрены как Государственной миграционной службой, так и позднее в ходе разбирательства в национальных судах, что отражено в собственных материалах государства-участника.

6.2 Что касается фактов по жалобе, заявители утверждают следующее: когда утром 24 декабря 2018 года первый заявитель был доставлен в Хатаинский районный суд, Суд отметил, что официального запроса о его экстрадиции не поступало. Вместо этого прокурор представил суду только ордер на арест, выданный пятым уголовным мировым судом в Анкаре. Несмотря на отсутствие официального запроса об экстрадиции, Суд принял решение поместить первого заявителя под стражу сроком на один месяц до экстрадиции. После вынесения решения адвокат первого заявителя подал апелляцию в Бакинский апелляционный суд. 28 декабря 2018 года адвокат был первоначально проинформирован через свои рабочие контакты в Бакинском апелляционном суде о том, что Суд будет находиться на праздничных каникулах с 28 декабря 2018 года по 3 января 2019 года; однако в 13 ч 00 мин ему позвонил помощник судьи и сообщил, что апелляция будет рассмотрена в 15 ч 00 мин того же дня. Когда адвокаты первого заявителя прибыли в Суд, сотрудники суда сообщили им, что несколько представителей Государственной миграционной службы также присутствуют и ожидают начала слушания. Адвокаты сразу же заподозрили, что власти уже подготовили сценарий похищения, как и в других подобных случаях⁵. В ходе слушания адвокаты выступили со своими заявлениями, однако прокурор предпочел не приводить никаких контраргументов, в том числе на просьбу адвокатов отменить решение Хатаинского районного суда и освободить первого заявителя. Учитывая доводы, председательствующий судья постановил отменить решение Хатаинского районного суда в отношении ареста первого заявителя и распорядился о его немедленном освобождении. Однако вместо того, чтобы освободить первого заявителя, власти сообщили адвокатам, что он будет освобожден только после того, как решение судьи будет передано им в письменном виде. Они увели первого заявителя от его адвокатов через черный ход и, как станет известно позже, перевели его в миграционный лагерь в Курдексани. Вторая заявительница пыталась найти своего мужа в здании суда, подходя к охранникам и умоляя заместителя прокурора, который все еще находился в зале суда, но безрезультатно⁶.

6.3 Заявители утверждают, что 29 декабря 2018 года первый заявитель был тайно доставлен в международный аэропорт в Баку и посажен на самолет в Анкару. После его прибытия в Анкару президент Турции похвалил Азербайджан за «сотрудничество» в его похищении и передаче. По словам заявителей, первый заявитель был доставлен в отделение полиции, где офицер, которого другие сотрудники полиции называли «инспектором», начал кричать и оскорблять его, а также наносить ему пощечины и удары по голове. Затем офицер зашелкнул наручники на руках первого заявителя за спиной и заставил его выйти на улицу и вернуться в здание, ведя при этом видеозапись. Позже видеозапись была распространена в различных СМИ, сообщивших об аресте первого заявителя⁷. Затем первого заявителя отвели наверх, где «инспектор» еще больше избил и оскорбил его. «Инспектор» также угрожал первому заявителю судебным преследованием его семьи. Он отметил, что брат первого заявителя был арестован по обвинению в терроризме в связи с движением Гюлена «Хизмет», что его шурин, служивший в армии, также был арестован, что его отец был уволен с работы и что его сестра была задержана по обвинению в использовании приложения VuLock. В конце концов, «инспектор» пригрозил ему похищением его жены, второй

⁵ См. [A/HRC/WGAD/2019/10](https://www.hrc.org/hrdoc/doc/2019/10).

⁶ Вторая заявительница представляет ссылку на видео, на котором видно, как она зовет на помощь перед зданием Бакинского апелляционного суда после того, как ее мужа увезли. URL: <https://twitter.com/kronoshaber/status/1079156518786867200> (на турецком языке).

⁷ См. URL: <https://twitter.com/BOLDmedya/status/1079978089004916736> (на турецком языке). См. также Anadolu Agency, “Turkish intelligence captures wanted FETÖ terror group member in Azerbaijan”, *Daily Sabah*, 29 December 2018.

заявительницы, сказав, что они могут привезти ее в Турцию, посадить в тюрьму, а его дочь отдать в агентство по защите детей. В течение следующих шести дней первый заявитель был четыре раза допрошен главным инспектором, часто под психологическим давлением. Когда он сказал следователю, что не будет говорить без присутствия адвоката, ему пригрозили, что его отправят в распоряжение специальной военной группы, которая заставит его говорить в течение часа. Вечером 29 декабря 2018 года ему разрешили встретиться с адвокатом всего на 15 минут. 4 января 2019 года первый заявитель был доставлен в седьмой уголовный мировой суд в Анкаре, где ему были предъявлены следующие обвинения: членство в вооруженной террористической организации вследствие принадлежностью к движению Гюлена «Хизмет» в Азербайджане, использование VuLock, обучение в университете, связанном с движением Гюлена «Хизмет», проживание в общежитиях, принадлежащих организации, преподавание в школах Азербайджана, предположительно связанных с движением Гюлена «Хизмет», пожертвование денег движению Гюлена «Хизмет» под именем Химмет и следование призыву Фетхуллага Гюлена продолжать вкладывать средства в Банк «Ася» после того, как правительство прикрыло некоторые виды деятельности банка. По этим обвинениям ему грозит 15 лет лишения свободы.

6.4 Заявители отмечают, что первый заявитель был возвращен в Турцию, несмотря на просьбу Комитета к Азербайджану от 24 декабря 2018 года воздержаться от таких действий. Заявители сожалеют, что государство-участник не только открыто проигнорировало просьбу Комитета, но и в своем представлении Комитету не сделало никакой ссылки на просьбу о принятии временных мер. Они отмечают, что в аналогичных случаях Комитет однозначно постановил, что в соответствии с правилом 114 правил процедуры Комитета государство-участник должно добросовестно выполнить просьбу Комитета о принятии временных мер в соответствии с правилом 108, и что невыполнение считается нарушением статьи 22 Конвенции.

6.5 Заявители отвергают утверждение государства-участника о том, что вторая заявительница не является жертвой предполагаемого нарушения статьи 3 Конвенции. Они отмечают, что и ей, как и первому заявителю, грозила неминуемая высылка в Турцию, если бы не международная защита, полученная через УВКБ ООН. Заявители утверждают, что по меньшей мере девять других граждан Турции, поддерживающих отношения с турецкими школами, связанными с движением Гюлена «Хизмет», несмотря на то что они являлись просителями убежища, были незаконно возвращены в Турцию и впоследствии подверглись пыткам и жестокому обращению, включая длительное одиночное заключение⁸. Они отмечают, что после того, как первый заявитель был возвращен в Турцию и видеозапись его задержания в штабе полиции в Анкаре, а также видеозапись плача второй заявительницы перед зданием Бакинского апелляционного суда были распространены многими турецкими каналами и новостными сайтами, в социальных сетях появилось множество комментариев с призывом доставить вторую заявительницу в Турцию так же, как и ее мужа. Во время содержания под стражей в Турции первому заявителю показали документы, изобличающими связь второй заявительницы с турецкими школами, ассоциированными с движением Гюлена «Хизмет», с Банком «Ася», с денежными переводами от ее брата и так далее, и угрожали, что ее также передадут из Азербайджана в Турцию, если потребуется. Заявители утверждают, что, если бы не незамедлительные действия УВКБ ООН и правительства Швейцарии, которые предоставили международную защиту второй заявительнице и ее дочери, вторая заявительница не смогла бы покинуть Азербайджан и, в конечном итоге, ее постигла бы та же участь, что и ее мужа⁹.

6.6 Заявители также отвергают утверждение государства-участника о том, что их просьба о предоставлении убежища была отклонена отчасти потому, что они утверждали, что не принадлежат ни к какой группе в Турции и не имели информации о своем преследовании со стороны каких-либо представителей правительства Турции. Они отмечают, что во время процедуры подачи заявления в Государственную

⁸ Заявители предоставляют список этих турецких граждан.

⁹ Второй заявительнице Швейцария предоставила международную защиту через УВКБ ООН. Она покинула Азербайджан в неустановленную дату вскоре после высылки мужа.

миграционную службу они заявили, что у них есть обоснованные опасения преследования в качестве предполагаемых гюленистов. Они ссылаются на решения Государственной миграционной службы от 25 октября 2017 года и Бакинского административно-экономического суда № 1 от 3 апреля 2018 года, в которых четко указано, что у них были вполне обоснованные опасения преследования в Турции из-за их предполагаемых связей с движением Гюлена «Хизмет».

6.7 В отношении аргумента государства-участника о том, что виды на жительство заявителей были аннулированы по соображениям национальной безопасности и общественного порядка, заявители утверждают, что государство-участник не приняло во внимание принцип пропорциональности. Они отмечают, что первый заявитель не служил в армии, а был школьным учителем, который проживал с 2004 года в Азербайджане без судимостей; таким образом, он не представлял угрозы общественному порядку и национальной безопасности Азербайджана или любой другой страны.

6.8 Заявители повторяют, что факты, представленные государством-участником в отношении ареста и высылки первого заявителя в Турцию, являются неверными. Они категорически отвергают утверждение государства-участника о том, что первый заявитель подал письменное заявление в Государственную миграционную службу с просьбой разместить его на добровольной основе в Бакинском центре содержания нелегальных мигрантов до тех пор, пока он не сможет вернуться в Турцию, поскольку у него не было ни места, ни средств для проживания. Они настаивают на том, что первый заявитель не видел и не подписывал такой документ, и было бы нелогично, если бы он сделал это, особенно сразу после обжалования своего незаконного задержания и освобождения из-под стражи Бакинским апелляционным судом. Поэтому заявители утверждают, что одобрение Государственной миграционной службой ходатайства первого заявителя о помещении его под стражу, которое фигурирует в представлении государства-участника, является фиктивным документом, составленным после незаконной передачи первого заявителя в Турцию, в попытке государства-участника оправдать его похищение и незаконной передачи.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен решить, является ли оно приемлемым согласно статье 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

7.2 В соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции Комитет не будет рассматривать сообщение, пока не убедится в том, что представившее его лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что заявители не исчерпали внутренние средства правовой защиты, поскольку они не подавали никаких жалоб по статье 3 Конвенции в органы власти Азербайджана, включая национальные суды, прокуратуру и Канцелярию Омбудсмана. Однако Комитет отмечает из решения Государственной миграционной службы от 25 октября 2017 года, что причиной обращения заявителей с ходатайством о предоставлении убежища был именно страх возвращения в Турцию после попытки государственного переворота в 2016 году, поскольку они опасались быть арестованными и подвергнуться преследованию, как и некоторые члены их семей и коллеги. Комитет далее отмечает, что апелляции заявителей были рассмотрены национальными судами, и Верховный суд Азербайджанской Республики отклонил их кассационную жалобу 4 сентября 2018 года.

7.3 Комитет отмечает, что государство-участник не объяснило, каким образом другие упомянутые каналы правовой защиты, а именно прокуратура и Канцелярия Омбудсмана, предоставили бы заявителям эффективное средство правовой защиты, в том числе, если бы обращения в эти органы имели приостанавливающее действие. В обстоятельствах данного дела Комитет считает, что пункт 5 b) статьи 22 Конвенции не препятствует ему объявить сообщение приемлемым.

7.4 Комитет далее принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что жалоба также должна быть признана неприемлемой по причине явной необоснованности, поскольку она ограничивается расплывчатыми и общими заявлениями, без какого-либо подробного описания событий или доказательств, подтверждающих утверждения заявителей. Поэтому государство-участник утверждает, что жалоба является неприемлемой в соответствии с пунктом b) правила 113 правил процедуры Комитета. Комитет отмечает, что заявители, со своей стороны, утверждают, что им грозит высылка как лицам, связанным с движением Гюлена «Хизмет», которое правительство Турции называет террористической группой. Поэтому Комитет считает, что заявители в достаточной степени обосновали свою жалобу для целей приемлемости.

7.5 Комитет отмечает утверждение второй заявительницы о том, что, будучи бывшим сотрудником образовательной организации, связанной с движением Гюлена «Хизмет», она также является мишенью для турецких властей. Однако Комитет отмечает, что в неустановленную дату вторая заявительница покинула государство-участник после получения международной защиты в Швейцарии. Соответственно, Комитет считает, что утверждение в отношении второй заявительницы не является достаточно обоснованным для целей приемлемости.

7.6 Поскольку Комитет не видит никаких других препятствий для признания приемлемости, он объявляет сообщение, представленное в соответствии со статьей 3 Конвенции, приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

8.2 В данном деле вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, является ли высылка первого заявителя в Турцию нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать (*refouler*) какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему или ей может угрожать там применение пыток.

8.3 Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения в Турцию заявителю лично будет угрожать опасность применения пыток. При оценке такой опасности Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, вытекающие из пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение того, будет ли данному лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам в стране, в которую это лицо подлежит возвращению. Следовательно, наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что соответствующему лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. С другой стороны, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает того, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом конкретных обстоятельств его/ее дела¹⁰.

8.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, согласно которому обязательство о невыдворении существует во всех случаях, когда имеются «серьезные основания» полагать, что соответствующему лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в государстве, депортация в которое его или ее ожидает, либо в качестве отдельного лица, либо в группе, которая может подвергнуться опасности применения пыток в государстве назначения. Комитет напоминает, что «серьезные основания» существуют всякий раз, когда опасность пыток является «предсказуемой,

¹⁰ См., например, *Э.Т. против Нидерландов* (CAT/C/65/D/801/2017), п. 7.3; и *И.Г. против Швейцарии* (CAT/C/65/DR/822/2017), п. 7.3.

личной, существующей и реальной»¹¹. Факторы опасности, угрожающей лично заявителю, могут включать, не ограничиваясь этим, следующие: этническое происхождение заявителя; политическую принадлежность или политическую деятельность заявителя или членов семьи заявителя; предыдущее применение пыток; содержание под стражей без связи с внешним миром или другие формы произвольного и незаконного содержания под стражей в стране происхождения; и тайный побег из страны происхождения под угрозой пыток¹². Комитет также напоминает, что он в значительной степени опирается на заключения по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника; тем не менее он не считает себя связанным такими заключениями, поскольку, согласно пункту 4 статьи 22 Конвенции, может свободно оценивать имеющуюся информацию, принимая во внимание все соответствующие обстоятельства каждого дела¹³.

8.5 Оценивая риск применения пыток в данном деле, Комитет отмечает утверждение первого заявителя о том, что его высылка подвергнет его существенному риску пыток в заключении в Турции из-за того, что его считают сторонником движения Гюлена «Хизмет». В этой связи Комитет отмечает, что первый заявитель — бывший сотрудник школы, связанной с движением Гюлена «Хизмет», и выпускник университета, находящегося в ведении движения Гюлена «Хизмет», брат которого был приговорен к 10 годам лишения свободы по обвинению в поддержке движения Гюлена «Хизмет» и который сам является объектом ордера на арест, выданного пятым уголовным мировым судом Анкары 21 декабря 2018 года. Комитет также принимает к сведению заявление государства-участника о том, что Государственная миграционная служба провела с заявителями собеседование, в ходе которого они утверждали, что не принадлежат ни к какой группе в Турции и не имеют информации о преследовании их со стороны каких-либо представителей правительства Турции, что привело Государственную миграционную службу к выводу об отсутствии серьезных оснований полагать, что заявителям будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в Турции. Поэтому, по мнению государства-участника, первый заявитель был выслан в соответствии с национальным и международным правом.

8.6 Комитет должен принять во внимание ситуацию с правами человека в Турции на момент высылки первого заявителя, включая влияние чрезвычайного положения (которое, хотя и было отменено в июле 2018 года, повлекло за собой ограничительные меры, которые были продлены путем принятия ряда законодательных мер). Он отмечает, что последовательное продление чрезвычайного положения в Турции привело к серьезным нарушениям прав человека в отношении сотен тысяч людей, включая произвольное лишение права на работу и свободу передвижения, пытки и жестокое обращение, произвольные задержания и нарушения прав на свободу ассоциации и выражения мнений¹⁴. В этой связи Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Турции¹⁵ от 2016 года, в которых он с обеспокоенностью отметил¹⁶ значительное расхождение между большим количеством заявлений о пытках, о которых сообщили неправительственные организации, и данными, представленными государством-участником в его четвертом периодическом докладе, что позволяет предположить, что не все заявления о пытках были расследованы за отчетный период¹⁷. В тех же заключительных замечаниях Комитет подчеркнул свою обеспокоенность недавними поправками к Уголовно-процессуальному кодексу, которые предоставляют полиции более широкие полномочия для заключения под стражу отдельных лиц, исключая возможность судебного надзора во время содержания под стражей в полиции¹⁸. Комитет также с сожалением констатировал отсутствие полной информации о случаях

¹¹ Замечание общего порядка № 4 (2017), п. 11.

¹² Там же, п. 45.

¹³ Там же, п. 50.

¹⁴ Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR), “Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017”, March 2018.

¹⁵ CAT/C/TUR/CO/4.

¹⁶ Там же, п. 9.

¹⁷ См. CAT/C/TUR/4, пп. 273–276 и приложения 1 и 2.

¹⁸ CAT/C/TUR/CO/4, п. 19.

суицида и других случаях внезапной смерти, произошедших в местах лишения свободы за отчетный период¹⁹.

8.7 Комитет признает, что данные заключительные замечания были опубликованы до объявления чрезвычайного положения. Однако он напоминает, что после попытки государственного переворота в июле 2016 года он выразил обеспокоенность ситуацией в Турции в последующем письме, направленном государству-участнику 31 августа 2016 года. Он также отмечает, что доклады о ситуации с правами человека и предотвращении пыток, опубликованные после объявления чрезвычайного положения в Турции, свидетельствуют о том, что озабоченность, выраженная Комитетом, остается актуальной²⁰.

8.8 В данном деле Комитет отмечает, что первый заявитель утверждает, что ему грозит преследование по причине его политической деятельности, поскольку он считается членом движения Гюлена «Хизмет», на которое возлагается ответственность за попытку государственного переворота в июле 2016 года. Комитет отмечает, что, согласно его докладу от 2018 года, Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ) имеет доступ к достоверной информации, указывающей на применение пыток и жестокого обращения во время предварительного заключения в контексте ответных мер турецких властей на попытку государственного переворота в июле 2016 года²¹. В том же докладе УВКПЧ заявляет, что оно задокументировало применение различных форм пыток и жестокого обращения в местах лишения свободы, включая избиения, угрозы сексуального посягательства, реальное сексуальное посягательство, электрические удары и имитацию утопления. Эти акты пыток, как правило, были направлены на получение или принуждение к даче признаний или принуждение к изобличению других лиц в рамках расследования действий, связанных с попыткой государственного переворота²². В своем докладе о миссии в Турцию Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания выражает мнение, что применение пыток было широко распространено после попытки государственного переворота²³. Специальный докладчик также отмечает, что небольшое количество расследований и судебных преследований, возбужденных в ответ на утверждения о пытках или жестоком обращении, представляется крайне несоразмерным предполагаемой частоте нарушений, что свидетельствует о недостаточной решимости ответственных турецких властей расследовать выдвинутые утверждения²⁴.

8.9 Что касается прямого воздействия чрезвычайного положения, объявленного 20 июля 2016 года, Комитет принимает к сведению выраженную УВКПЧ обеспокоенность по поводу негативного влияния этих мер на гарантии против пыток и жестокого обращения. В частности, УВКПЧ ссылается на ограничения, которые могут быть наложены на контакты между задержанными и их адвокатами, увеличение максимально допустимой продолжительности содержания под стражей в полиции, закрытие некоторых независимых механизмов по предотвращению пыток и чрезмерное использование досудебного содержания под стражей²⁵. После последовательных продлений, объявленных турецкими властями, чрезвычайное положение было официально прекращено 19 июля 2018 года. В письме от 8 августа 2018 года власти Турции сообщили Совету Европы, что чрезвычайное положение было прекращено 19 июля 2018 года, по истечении срока, установленного решением № 1182, и что, соответственно, правительство Турции решило отозвать

¹⁹ Там же, п. 33.

²⁰ См. OHCHR, “Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017”; OHCHR, “Report on the human rights situation in South-East Turkey: July 2015 to December 2016,” February 2017; и [A/HRC/37/50/Add.1](#).

²¹ OHCHR, “Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017”, para. 7.

²² Там же, п. 77.

²³ [A/HRC/37/50/Add.1](#), п. 26.

²⁴ Там же, пп. 70–73.

²⁵ OHCHR, “Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017”, para. 83.

уведомление об отступлении от Европейской конвенции по правам человека²⁶. Однако был принят ряд законодательных мер, расширяющих применение ограничительных мер, введенных во время чрезвычайного положения, например возможность продления срока содержания под стражей в полиции до 12 дней²⁷.

8.10 В данном деле Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что первый заявитель добровольно попросил поместить его в Бакинский центр содержания нелегальных мигрантов до тех пор, пока он не сможет вернуться в Турцию, поскольку у него не было ни места, ни средств для проживания в Азербайджане. Комитет отмечает, что этот аргумент отвергается самим первым заявителем, который утверждает, что он не видел и не подписывал такой документ и что с его стороны было бы нелогично делать это, особенно сразу после обжалования своего незаконного задержания и освобождения из-под стражи Бакинским апелляционным судом. По словам первого заявителя, это фиктивный документ, составленный после его незаконной передачи в Турцию в попытке государства-участника оправдать его похищение и незаконную передачу. Комитет отмечает, что утверждение заявителя подкреплено большим количеством доказательств, поскольку многие турецкие СМИ сообщили о похищении первого заявителя из Азербайджана и его передаче в Турцию, и даже президент Турции открыто похвалил Азербайджан за его «сотрудничество» в этом деле.

8.11 В свете вышеизложенного и с учетом того, что первый заявитель является членом — мнимым или реальным — движения Гюлена «Хизмет», Комитет считает, что государство-участник должно было провести индивидуальную оценку реального и личного риска, которому первый заявитель будет подвергаться в Турции, особенно с учетом документально подтвержденного обращения турецких властей с лицами, связанными с этим движением. Принимая во внимание вышеуказанное, Комитет приходит к выводу, что в данном случае высылка государством-участником первого заявителя в Турцию представляла собой нарушение статьи 3 Конвенции.

9. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, приходит к выводу, что высылка государством-участником первого заявителя в Турцию представляла собой нарушение статьи 3 Конвенции. Что касается невыполнения государством-участником просьбы Комитета от 24 декабря 2018 года о принятии временных мер для того, чтобы заявители не были возвращены в Турцию, и ее повторения 28 декабря 2018 года, Комитет сожалеет, что, несмотря на его неоднократные просьбы, государство-участник выслало первого заявителя в Турцию 29 декабря 2018 года и не представило никаких объяснений по поводу невыполнения просьб Комитета. С учетом вышеизложенного Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 22 Конвенции в связи с отказом от добросовестного сотрудничества с Комитетом, в результате чего Комитет не смог эффективно рассмотреть настоящее сообщение²⁸. Комитет также отмечает, что государство-участник не представило достаточно конкретных сведений о том, осуществляло ли оно в какой-либо форме мониторинг после высылки первого заявителя и предпринимало ли оно какие-либо шаги для обеспечения того, чтобы этот мониторинг был объективным, беспристрастным и надежным.

10. Комитет считает, что государство-участник обязано предоставить возмещение первому заявителю, включая адекватную компенсацию нематериального ущерба в результате причиненного физического и психического вреда. Ему следует изучить пути и средства мониторинга условий содержания заявителя под стражей в Турции, включая его доступ к адвокату и медицинской помощи, в рамках существующих соглашений с Турцией, чтобы убедиться, что он не подвергается обращению,

²⁶ См. Council of Europe, reservations and declarations for Treaty No. 005, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 12 June 2019.

URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=declarations-by-treaty&numSte=005&codeNature=0>.

²⁷ Human Rights Watch, “Turkey: events of 2018”. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/turkey>.

²⁸ См. *Тиругнанасампантар против Австралии* (CAT/C/61/D/614/2014), п. 9.

противоречащему статье 3 Конвенции, и проинформировать Комитет о результатах такого мониторинга.

11. В соответствии с пунктом 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет настоятельно предлагает государству-участнику в течение 90 дней с момента препровождения настоящего решения сообщить ему о мерах, принятых в связи с вышеизложенными замечаниями. Комитет настоятельно призывает государство-участник предпринять шаги для предотвращения подобных нарушений статьи 22 в будущем и обеспечить, чтобы в случаях, когда Комитет запросил временные меры, заявители не выводились из-под юрисдикции государства-участника до принятия Комитетом решения по возможному ходатайству.
